

ЦВЕТЫ ЗЛА

ТРИЛЛЕРЫ

О ГЕНИАЛЬНЫХ

МАНЬЯКАХ

СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РОДРИГО
КОРТЕС

ФАРМАЦЕВТ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Иллюстрация на переплете *Александра Соловьева*

Кортес, Родриго.

К69 Фармацевт / Родриго Кортес. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Цветы зла. Триллеры о гениальных маньяках Средневековья).

ISBN 978-5-699-86950-3

Английский граф Стэнфорд привез из Афганистана восточную красавицу, женился на ней, и вскоре родился Ричард. В колледже над мальчиком издевались, обзывали полукровкой, индийской обезьяной. Но однажды вдруг все изменилось. Дик обнаружил в себе дар — он стал видеть внутренним зрением молекулярную структуру вещества. И подумал: наверняка это Божий дар, ниспосланный ему для исцеления заблудших душ. Не сомневаясь в своем высоком предназначении, Ричард оборудовал химическую лабораторию, где изготовил препарат, вызывающий у человека необыкновенный прилив сил. Это открытие вмиг прославило Ричарда, дало ему власть и деньги. Но гениальный фармацевт уже не мог остановиться и задумал безгранично могущественное зелье — «панацею для души», — которое, по его замыслу, должно сделать все человечество счастливым...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86950-3

© Кортес Р., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ПРОЛОГ

Граф Уильям Стэнфорд чуть сжал колени, подал тело вперёд, переводя Джесси с размашистой рыси в уверенный тяжёлый галоп. Необходимости давать рыжей трёхлетке со звёздочкой во лбу шпоры не было: кобыла понимала малейшее движение всадника.

За спиной полковник Стэнфорд слышал мощный ритмичный рокот множества копыт — самую лучшую музыку, какую он знал, — музыку кавалерийской атаки. Гром копыт отражался от скальных стен долины, подхватывался горным эхом, достигал могучего крещендо.

Пора!

Привычным движением граф Уильям чуть отвёл назад и вбок опущенную правую руку, крепче сжал эфес длинного палаша. Яростное афганское солнце мгновенными брызгами посыпалось со светлой стали клинка. Фигуры пуштунов словно бы даже не приближались, а просто росли на глазах. Вот осталось не более пятидесяти... сорока... двадцати ярдов!..

«Побегут? — ещё успел подумать Стэнфорд, прежде чем врубиться в ряды врага. — Нет. Эти не побегут!»

Прав оказался полковник Стэнфорд, знал, с кем сражается. Не побежали.

Двух первых афганцев Джесси просто стоптала с разгона копытами, только кости захрустели. Вот ещё двое разлетаются в стороны под ударом живого тарана.

А теперь пора приниматься за дело всаднику!

Широкая отмашка палашом справа налево, через шею лошади! Обезглавленный труп валится под копыта коней, скачущих за Джесси, а Стэнфорд даёт обратную отмашку. Кончик клинка вспарывает шею афганца, рыжий бок кобылы становится ярко-алым. Ещё удар! И ещё! Джесси прыгает вбок, ступает по чему-то мягкому, спотыкается, но выравнивается. Она уже вся забрызгана кровью, в крови и высокие кавалерийские сапоги графа.

Уильям Стэнфорд знал: в такой вот бешеной рубке кое-кто из его конников начисто теряет рассудок, пьянеет от крови и смерти. Самому полковнику это свойственно не было, он просто превращался в машину убийства, чудовищную в своей холодной эффективности.

Сзади и с боков слышались жуткие звуки боя: выстрелы пуштурских ружей, свист стали, ржание и храп коней, звериный вой раненых, хруст костей под лошадиными копытами.

Вот ещё один пуштун возник прямо перед оскаленной мордой Джесси, даже попытался схватить кобылу под уздцы, остановить прорыв полковника Стэнфорда вперёд. Зря он это сделал!

Граф ударил пуштуна сверху наискось хорошим классическим синистром, а резкий прыжок Джесси позволил легче вырвать палаш из черепа врага. Вот так, и никак иначе! Вовсе не слишком трудно, если знаешь, как это делается...

...Да, конечно, полковники кавалерии Её Величества королевы редко сами ведут в бой своих молодцов. Но тут был особый случай!

Йоркширские стрелки с тяжёлыми боями отступали к индийской границе от самого Анджуманского перевала. Англичане были предельно измотаны, в отряде чуть ли не половина — ранены. И вот, когда избавление было совсем близко, когда до спасительного Белуджистана осталось не более двух дневных переходов, йоркширских пехотинцев угораздило попасть в ловушку. Они сунулись в долину какой-то крохотной, пересыхающей летом речушки и были заблокированы с обоих концов отрядами повстанцев Мехмед-Шаха. Долина тянулась миль на пять с юго-востока на северо-запад. Как обычно, южные склоны обрывались круто, почти отвесно, а северные взбегали на плоскогорье полого. На южные склоны англичанам, тем более с обозом и ранеными, не подняться. Попробовать уйти на север? Но именно оттуда йоркширцы и отступали с боями. Один вход в проклятую долину. Один выход. И оба закрыты пуштунами Мехмеда. Мешок.

Англичанам пришлось совсем худо. Боеприпасы и продовольствие подходили к концу, почти не осталось питьевой воды, медикаментов... Просматривалась лишь одна печальная перспектива: броситься в последнюю, отчаянную схватку, на прорыв, и поголовно полечь. Потому как о возможности сдачи в плен никто из йоркширских стрелков даже не задумывался — всем было известно, что вытворяют афганцы с пленными англичанами.

Но тут угодившим в капкан йоркширцам повезло. Двое из них сумели незаметно прокрасться мимо афганцев, выбраться на южную сторону плато. Нет,

они не бросили своих товарищей, они безумно рисковали не ради спасения собственных шкур. Они просто выполнили приказ своего командира: попытаться выбраться из ловушки и привести помощь. Через сутки два оборванных, предельно усталых и голодных пехотинца наткнулись на походную колонну кавалерийского полка, которым командовал граф Уильям Стэнфорд.

Надо сказать, что сам полковник Стэнфорд был родом из восточного Йоркшира. Узнав о том, в какое положение попали его соотечественники и земляки, он не колебался ни секунды. К чести графа Уильяма: погибай в проклятой долине любая другая английская часть, он принял бы точно такое же решение...

Только вот приказа на деблокирование йоркширцев у Стэнфорда не было, а связываться с командованием — терять драгоценное время! Некого будет спасать по приказу, останутся одни трупы. Полковник взял всю ответственность на себя. Его кавалеристы единогласно и безоговорочно поддержали своего командира, Стэнфорда в полку очень и очень уважали — так, что пошли бы за полковником хоть в преисподнюю. То-то был бы сюрприз для Вельзевула!

И: «За мною, по три, рысью ма-арш!» — походная колонна кавалерийского полка, изогнувшись, как змея, повернула к югу и двинулась в направлении окаянной долины. Триста пятьдесят отборных кавалеристов.

Но в сложившейся ситуации граф Уильям Стэнфорд счёл своим долгом лично возглавить атаку.

Даже на разведку не оставалось времени, удар надо было наносить с марша. Посовещавшись с двумя йоркширцами, Стэнфорд решил бить по группировке, блокировавшей юго-восточную горловину. Он

очень надеялся на внезапность и на то, что стрелки, догадавшись о неожиданной помощи, сами из последних сил навалятся на пуштунов со стороны долины. Была у полковника ещё одна надежда, правда, слабая...

Уильям Стэнфорд гордился своим полком. Он — не без основания! — считал, что после Ватерлоо британская тяжёлая кавалерия не имеет равных в мире. Атака такой кавалерии, её таранный сокрушающий удар — очень страшная вещь! Если пехота морально слаба, если пехотинцы струсят, если хотя бы четверть из них ударится в бегство, то получится настоящая бойня, тут врага не спасает и пятикратный численный перевес.

Если бы афганцы, поняв, что неожиданно оказались между молотом и наковальней, дрогнули! Вот тогда кавалеристы графа Стэнфорда попросту порубили бы их в капусту. Но...

Но Стэнфорд помнил, что имеет дело с афганцами. В 1838 году, сорок лет тому назад, когда в родовом гнезде графов Стэнфордов маленький Билли только появился на свет, англичане уже пытались присоединить Афганистан к своим владениям в Индии, чтобы затем использовать как плацдарм для продвижения в Среднюю Азию. И обломали зубы! Из страны пришлось уйти, хорошо ещё, что не с позором.

...Нет, вторая надежда полковника Стэнфорда не оправдалась. Пуштунские повстанцы Мехмед-Шаха не дрогнули, рубки бегущих не получилось. Афганцы дрались яростно и отважно. Косой клин тяжёлой британской конницы с трудом вспарывал плотную массу афганской пехоты.

И всё же вспарывал! Стэнфорд, опытный вояка, великолепно чувствующий ход боя на подсознательном уровне, понимал: ещё чуть-чуть, ещё одно усилие — и победа, его парни прорвутся к йоркширцам. Тогда врагу несдобровать, помощь с той, противоположной горловины ущелья попросту опоздает!

Он снова и снова опускал палаш, нанося смертельные, неотразимые удары. Направо. Теперь — налево. Крест-накрест, склонившись над головой Джесси. Замахнуться, привстать на стремянах, ударить, снова захмахнуться...

Уильям был отличным наездником, умел слиться с лошастью в единое целое, стать кентавром. Сейчас он бросил узду, освободив левую руку, удерживался в седле, лишь сильно сжимая ногами бока Джесси и предельно напрягая мышцы брюшного пресса.левой же рукой полковник выдернул из седельной кобуры двуствольный кавалерийский «Дерринджер».

Выстрел в упор! И ещё выстрел, вниз, прямо в чьё-то лицо, заросшее густой чёрной бородицей. Кобыла встала на дыбы, замолотила передними копытами, проламывая черепа пуштунских дакайтов.

Вот так-то, тысяча чертей и шайтанов Хуррума!

Но стрелять умеют не только англичане, тем более что в ближнем бою особой меткости не требуется, тут всё решает хладнокровие и везение. Даже качество оружия не так уж важно...

Круглая свинцовая пуля, раздробившая левую ключицу полковника Стэнфорда, была выпущена из старинного гладкоствольного ружья с ещё кремнёвым курком. Достоинно удивления, как такое древнее оружие вообще смогло выстрелить!

Однако смогло...

Удар чуть не выбил графа из седла, пистолет вывалился из его руки, но сознания Уильям не потерял. Вот только удача решительно отвернулась от него, потому что в следующую секунду ещё одна пушунская пуля досталась Джесси. Рыжей кобыле, любимице графа, угодило точно в белую звёздочку, в середину лба. Лошади начисто снесло череп, а пуля, правда потеряв убойную силу, ударила полковника в грудь.

Если бы не эта, вторая пуля! Граф Уильям Стэнфорд недаром слыл отличным наездником и опытным боевым кавалеристом. Может быть, несмотря на адскую боль в перебитой ключице, он успел бы спрыгнуть с крупа заваливающейся на бок Джесси, сработали бы вбитые в подкорку рефлекссы... Но шок от двух попаданий подряд оказался слишком тяжёл даже для него.

Стэнфорд не успел.

Они упали вместе, лошадь и всадник. Всей тяжестью своего мёртвого тела Джесси обрушилась на правую ногу хозяина. Захрустела, ломаясь, бедренная кость, тело полковника насквозь прошла невыносимая, нечеловеческая боль, перед глазами вспыхнули громадные багровые звёзды. Граф Уильям Стэнфорд, командир полка тяжёлой кавалерии Её Величества императрицы Индии и королевы Великобритании, лишился чувств.

Высоко над долиной, в холодных ветрах, дующих с обледенелых вершин Гиндукуша, кружили белоголовые сипы с голыми шеями и зоркими глазами.

Чуяли стервятники — будет им сегодня богатая пожива...

ГЛАВА 1

Погода портилась, становилось ветрено и холодно. Ветер шелестел опавшими листьями, посвистывал в кронах облетевших деревьев. Порывами налетал мелкий дождь, временами переходящий в снежную крупку; на востоке, над морем исполинской горной грядой громоздились тяжёлые свинцовые тучи. Солнце, изредка проглядывающее сквозь разрывы облаков, клонилось к закату.

Очень неуютно на прибрежных равнинах Йоркшира в середине ноября!

Но в камине весело потрескивали осиновые полешки, над старинным дубовым столом покачивалась керосиновая лампа с оранжевым абажуром, а на столе стояла бутылка хорошего шотландского виски и тарелка с копчёной грудинкой.

Стэнфорд-холл, двухэтажный особняк отставного полковника, графа Уильяма Стэнфорда, был выстроен почти два с половиной века тому назад, сразу после падения лорда-протектора, Оливера Кромвеля. От суровых северных ветров Стэнфорд-холл прикрывала гряда невысоких холмов, а к востоку миль на пять, до самого мыса Фламборо-Хед и посёлка с тем же названием тянулась унылая равнина, полого спускающаяся к морю.

Сегодня задувало с востока. В такие дни воздух наполнялся запахом соли и водорослей, а из окон кабинета можно было расслышать рокот далёкого, ленивого прибоя, ропот холодных волн Северного моря, набегающих на пустынные песчаные берега.

— Да, дружище, вот так всё оно и было... — задумчиво произнёс Уильям Стэнфорд. — Который же раз я рассказываю вам об этом, Генри? Как бы не в сотый... Подливайте себе виски, Генри. Виски у меня хорош.

Граф Стэнфорд грустно улыбнулся. Он выглядел старше своих пятидесяти лет, короткие тёмно-каштановые волосы обильно припорошила седина, лицо изрезали морщины. Серые, цвета пасмурного йоркширского неба глаза печально смотрели на собеседника из-под густых, чуть нахмуренных бровей. Безупречная линия подбородка, гордая посадка головы, словом, всё в его внешности говорило о том, что это натура волевая, человек умный и сильный. И в то же время внимательный наблюдатель не мог не заметить: отставной полковник Уильям Стэнфорд очень устал, он страдает, он несчастен, и хотя не сломался пока, но предел прочности уже близок.

— И всё же вы победили тогда, десять лет назад, — задумчиво произнёс Генри Лайонелл, сидящий за столом напротив хозяина кабинета. — Победили, Уильям! Пусть вы заплатили за победу страшную цену, но Провидение уберегло вас от смерти.

Генри Лайонелл, преуспевающий адвокат и чуть ли не единственный близкий приятель Уильяма Стэнфорда, выглядел куда моложе графа, хоть они были ровесниками. Крупный, даже, пожалуй, тучный, с густой гривой соломенных волос и короткой шкиперской бородой, он немного напоминал скан-

динава. В отличие от Стэнфорда, в котором за милю чувствовался аристократ, в Лайонелле сквозило что-то простонародное. Люди, плохо знавшие Генри, порой принимали его за человека недалёкого, чуть ли не тупицу. Но они жестоко ошибались!

Генри думал медленно и тяжело, зато основательно. Стоило лишь дать Лайонеллу время, чтобы упорядочить свои мысли, стоило не настаивать на быстрых ответах, на скором решении, и он мог удивить кого угодно взвешенностью и математической точностью мышления. А ещё Генри был в высокой степени свойственен основательный, добросовестный, хоть несколько тяжеловатый здравый смысл. Кроме того, он обладал богатейшим житейским опытом и умел быть на редкость упорным и настойчивым в достижении цели. Если сравнивать людей с военными кораблями, то Лайонелл напоминал не фрегат, а мощный, пусть неповоротливый, дредноут.

— Провидение? — горько рассмеялся Стэнфорд. — О да! Всевышний милостиво сохранил мне жизнь. Я даже хожу на двух ногах, не так ли, Генри?!

Граф поднялся из-за стола и, тяжело прихрамывая на правую ногу, болезненно морщась, подошёл к окну, забарабанил пальцами по стеклу. На Стэнфорде были надеты свободные домашние штаны из тонкой оленьей кожи и синяя фланелевая рубашка, её цвет подчёркивал нездоровую бледность лица.

— Что до нашей победы... Нет, я не про ту стычку, я про всю кампанию. Победа была бездарно профукана политиканами из Сент-Джемского кабинета! Министра по делам колоний за Гандамакский договор следовало бы повесить на фонаре! А на соседнем — милорда графа Биконсфильда, вашего обожаемого Беджамина Дизраэли.

— Дался вам милорд Биконсфильд! Он хороший, честный человек. Опытный политик... — неуверенно промямлил Генри Лайонелл.

Графа перекосило, как от острого приступа зубной боли.

— Ну нельзя же нести такую густопсовую чушь! — со страданием в голосе сказал он. — Это называется катахрезой. Противоречием в определении. Сухая вода. Людоед-вегетарианец. Честный политик. Я скорее в эльфов и фей поверю, чем в такое чудо природы. Неумеха он, ваш Дизраэли. Да к тому же жулик, который водит королеву за нос. Я бы ему не то что поста премьера, я бы ему скотный двор мести не доверил.

— Уильям! Как вы можете!..

— Я пятьдесят лет как Уильям. Но, в конце-то концов, вы правы. Я-то наверняка не политик. Для этого занятия мне не хватит подлости. Я солдат.

Лицо Стэнфорда побледнело ещё сильнее, и он с волчьей тоской в голосе добавил:

— Был солдатом. Теперь я никто. Старая развалина, доживающая свой век. Доживающая исключительно из милости королевы Виктории. Если бы не пенсия за ранение... Да вы же не хуже меня знаете — я мало что не нищий! Кроме этого особняка, небольшой ренты да титула, до которого никому нет дела... Э, что там говорить!

Он помолчал, вернулся к столу, тяжело опустился в кресло. Налил себе виски.

Молча выпил с другом и Лайонелл.

— Главное даже не это, — сказал граф тихо и тоскливо. — Генри, я двадцать два года отдал Британской империи. Я служил в Индии. Я сражался в Белуджистане и заработал там болотную лихорад-